

ним, стало быть, вы с ним два сапога пара!

Тут давай наш кум клясться и божиться, что, мол, лежи он со своей душенькой в постели и позволь она ему все что угодно, – и то ни черт, ни дьявол не заставит его пробить брешь в воротах сей крепости.

– А я бьюсь об заклад на десять эю, – это второй говорит, – что не устоять тебе нипочем; вот они, деньги, я их вручаю этому господину (который нежданно-негаданно, при сем присутствия, оказался владельцем двадцати эю; ему велено было держать их до поры, до времени при себе, а отдать тому, на кого оба спорщика ему укажут). Надо вам знать, что муж добродетельной дамы был в недельной отлучке, сама же она пылала весьма нежными чувствами к своему куму, который – что греха таить! – zelo падок был на сладкое. Вот спорщики наши явились к ней и рассказали свое дело. Поначалу она было заартачилась и прогнала их прочь, сказавши, что боится – не узнал бы муж. Но, как говорится, соскучилась бочка без затычки, да к тому же кумушка наша польстилась на десять эю, что были обещаны ей в том случае, если она не допустит куманька сыграть вхолостую. Все бы хорошо, да вот беда: она хорошо знала скаредность своего дружка – ни за что на свете он не согласился бы упустить денежки, коли они плывут к нему в карман. А потому перед тем, как сыграть партию, она ему объявила, что, коли он сделает с нею дело, она клянется отдать ему свои десять эю все сполна, так что пускай на любовь не скупится, он о том не пожалеет.

Что ж, все условия обговорили, ударили по рукам, и в назначенный день укладывают нашего кума в постель к куме, а уж та заранее позаботилась о том, чтобы все ее тесемки, пряжки да застежки вовремя и быстро поддались, когда настанет время впустить гостя. Но хитрый кум приготовился на сбой лад: надел прочное исподнее, да еще подбитое тремя или четырьмя подкладками, а своего косаря-коротышку увязал так, что вздумай тот покосить травку на лужку у кумы, ему пришлось бы перед тем одолеть три, не то четыре крепких веревки.

Половину ночи провели они так-сяк, нельзя сказать, чтобы с большим толком: разумеется, хозяйка постели совсем не прочь была взрезать тесемки на исподнем своего милого; кончилось-таки тем, что она потихоньку их распутала. Едва лишь развязанный работяга почувствовал волю, как пошло дело на лад! – помчался он стрелой, вертясь да взбрыкивая, и весь остаток ночи только тем и занимался, что сновал туда-сюда. Наутро кумушка наша, забыв о скромности, побежала хвастаться своей победою перед закладчиком, который обрадовался, что спас свои десять эю и заработал еще десяток для нее. Наш наездник, однако же, встал на дыбы и не дал закладчику забрать денежки. Дело грозило обернуться к худшему и окончилось бы совсем скверно, коли бы рогатый супруг не решил его самолично по-иному. На следующий день после вышеописанной скачки, когда спорящие совсем было передрались, прибыл он домой, и вот к нему-то, поскольку был он законник, и обратился любовник в присутствии его жены и противной стороны.

– Монсеньор, – сказал он, – я в большом затруднении из-за судебного процесса, коим мне грозят. Изложу вам дело все как оно есть. Был у меня жеребец весьма горячего нрава, и вот однажды, опасаясь, как бы он не натворил бед, привязал я его к дереву. Явилась хозяйка соседнего луга и отвязала его, вслед за чем жеребец мой вытоптал у ней всю траву. С меня же хотят взыскать убытки, так вот хотелось бы знать, обязан ли я оплачивать их.

Муж – честь ему и хвала! – осудил ту, что распутала жеребца, так что дело обернулось отнюдь не в пользу его ловкачки-жены. *Ex his*,⁵⁴⁶ господин мой, позвольте мне утверждать следующее: во-первых, мужчины куда целомудренней женщин, а, во-вторых, эти последние столь болтливы, что, и согрешив с мужчиною, не в силах о том умолчать. Не разболтай наша кумушка о невольном подвиге своего кавалера, она ровно ничего на этом не потеряла бы, а честь свою спасла, и никто бы о прегрешении ее так и не узнал.

Известно ведь: кто в грехах не кается, тому и отпускается.

О бородах⁵⁴⁷

Лишь от нас одних и зависит, укоротить или удлинить послеполуденные наши беседы, по-

⁵⁴⁶ На этом основании (*лат.*).

⁵⁴⁷ Из книги «Послеполуденные беседы» (из беседы 6-й – «О бородах»).